

УДК-323(470+571)

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ МЕЖДУ ПОСТИМПЕРСКИМ СИНДРОМОМ И СИНДРОМОМ ЖЕРТВЫ

*В.Ш. Сургуладзе*¹

Имперское российское самосознание в конце XX – начале XXI вв. снова столкнулось с самосознанием жертвы, характерным для окружающих Россию государств, входивших когда-то в орбиту её имперского влияния. Понимание образа мира-жертвы и образа мира-империи необходимо для прагматичной и взвешенной внешней политики. При столкновении этих двух мировоззрений, представителям имперского самосознания значительно проще сохранять прагматизм, так как у них отсутствует синдром жертвы, а имперское прошлое помогает выстраивать сложный фундамент национального самосознания, без доминирования в нём факторов негативной идентичности, зависящей от конфронтации с реальным или вымышленным внешним врагом. В статье особое внимание уделено геополитическим предпосылкам формирования и взаимодействия постимперского синдрома и синдрома жертвы в Грузии.

Ключевые слова: идеология; идентичность; национальное самосознание; постимперский синдром; синдром жертвы; коллективное бессознательное.

Российская Империя и Советский Союз, как и многие иные имперские образования в реальности нередко выступали своеобразным инкубатором, утробой, в которой формировался национализм и вызревали понятия о собственной самобытности, отдельности, желание претворения в жизнь независимости в оформленных и конкретных географических границах. Отделяющиеся или отделившиеся от имперских государственных организмов народы-нации редко признают тот факт, что одним из наиболее важных факторов на пути их национального становления и самоопределения выступали именно внешние имперские структуры, отталкиваясь от которых, противопоставляя себя которым и в то же время, используя которые, укреплялось национальное самосознание и предпосылки для успешного самостоятельного национально-го независимого государственного бытия.

Империализм, который не всегда органично сочетается с национализмом, а подчас вообще воспринимается как противоречащий ему феномен, фактически содействовал, как ни парадоксально это может звучать, форми-

¹ Сургуладзе Вахтанг Шотович – старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ), кандидат философских наук. E-mail: bafing@mail.ru @ Сургуладзе В.Ш., 2015

рованию как империализующих, так и империализуемых наций, способствовал становлению их коллективной идентичности.

Распад империи всегда наносит болезненный удар по самосознанию имперской нации, приводит к необходимости заново себя осознать и вписать в картину изменившегося непривычного мира. Земли, которые воспринимались своими, народы, которые ещё недавно считались «братскими», становятся открыто враждебными. Но кроме печали по утраченной империи, постимперского синдрома, носителям имперского сознания остаётся славное прошлое, которое при благоприятных обстоятельствах не омрачается синдромом жертвы – той особенностью, которой часто страдают подвергавшиеся когда-то колонизации и имперскому правлению народы. Именно этой особенностью механизма взаимодействия имперского и национального сознания в постимперский период объясняются все внешнеполитические сложности России, с которыми она сталкивается в начале XXI в. на внешнеполитической арене во взаимодействии со странами, бывшими когда-то сателлитами или республиками СССР. Все распавшиеся или прошедшие пики внешнеполитического могущества имперские образования сталкиваются с проблемой нового выстраивания взаимоотношений с историческими соседями.

Синдром жертвы и национализм отделившихся частей империи сталкиваются с постимперским синдромом страны, бывшей когда-то ядром империи. А.И. Миллер следующим образом охарактеризовал этот процесс: «Русские отличаются от всех других народов, живущих по соседству с ними, в одном очень важном элементе. В самосознании всех других народов очень большую роль играет мотив этнической виктимизации, то есть то, что они были жертвами какого-то «чужого» режима, – будь то Российская империя или поляки, которые сами, в свою очередь, стали жертвами... Но от Советской власти досталось заведомо всем. При этом у всех остальных есть мотив этнической жертвы, а у русских такого мотива нет. *Русские всегда воспринимали государство как своё, не как этнически чуждое*» [10, 109–110; 11, 10–11].

Постимперские кризисы национального самосознания становятся коллективным неврозом, причиной которого является несоответствие идеализированных представлений общества о себе, с тем качеством, в котором оно существует в реальности. Утраченная империя или «Золотой век» истории становятся коллективным Сурпер-Эго – источником коллективных неврозов.

В соответствии с концепцией Зигмунда Фрейда Супер-Эго, или Сверх-Я (Über-Ich) – комплекс представлений человека о том, каким он должен быть, чему должен соответствовать, чего достигать, как себя вести, что собой представлять, взглядов на то, что правильно и морально, достойно, чего необходимо избегать и что заслуживает осуждения. Супер-эго формируется окружением, воплощает в себе традиции и «вечные» ценности, передаваемые из поколения в поколение. Идеал супер-эго – идеал самого себя, к которому

человек стремится, и не отвечая которому, начинает испытывать психологический дискомфорт, та высота, с которой судят самих себя. «Эго-идеал», – писал Фрейд, – очень важен для понимания психологии группы. Помимо своей индивидуальной стороны, этот идеал имеет социальную сторону; он является также общим идеалом семьи, класса или нации» [21, 101; 18, 220]. Супер-эго направляет личность к социально одобренным формам поведения и оценкам.

Империя как идеал становится коллективным Супер-Эго – мерилom коллективного успеха и самооценки общества, отступление от которого – болезненный и непростой процесс, так как затрагивает глубины коллективной психологии и коллективных поведенческих установок общества.

Сложность взаимодействия имперского сознания России с самосознанием жертвы, присущим её соседям, усиливается тем, что виктимность малых народов имеет длительную «дороссийскую» историю, была присуща этим нациям задолго до их вхождения в орбиту российского влияния.

Ещё в 1946 г. из-под пера венгерского мыслителя Иштвана Бибо вышла работа под заглавием «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств», в которой рассматривались исторические корни *виктимного синдрома* малых наций Восточной Европы [4, 155–262]. Начиная с турецкой экспансии на Запад и заканчивая многочисленными разделами сфер влияния и территорий между Пруссией, Австрией и Россией, а затем Германией и СССР, Восточная Европа на протяжении 400 лет занимала положение между молотом и наковальней. Страх потери суверенитета и утраты своей культуры и самобытности стал в этих обстоятельствах неотъемлемой частью коллективного бессознательного.

Кроме описанных выше объективных исторически обусловленных причин синдрома жертвы могут иметь значения и другие факторы ущемлённого национального самосознания. Самобытным и талантливым малым народам часто приходится сталкиваться с необходимостью самоутверждения в мире, где правят бал великие государства. Иногда это самоутверждение получается несколько надрывным. Достижения больших государств хорошо известны, малым же народам приходится громко кричать, чтобы мир признал их уникальность, талантливость и заслуги. В результате что-то может показаться гипертрофированным, даже забавным, вызвать снисходительный имперский взгляд представителей великих и обширных государств. В таких условиях сильное национальное самосознание страдает от неразделённости восприятия себя миром. Само общество, осознавая своё великое прошлое и достижения гордится собой, но постоянно испытывает дискомфорт, сталкиваясь с восприятием своего образа со стороны других народов и государств, которые не знают их достижений и не видят в них самостоятельной исторической ценности.

Усилению синдрома жертвы малых народов способствуют сохраняемая в коллективном бессознательном память о великом прошлом, о котором окружающий мир и окружающие народы не подозревают и ничего не помнят. Коллективное бессознательное лежащее в историческом прошлом общества – ключ к пониманию виктимного восприятия малых народов.

Грузия – между великим прошлым и поисками пути в будущее

Гипертрофированный патриотизм, питаемый великим прошлым, можно проиллюстрировать на примере такой древней страны, как Грузия, страны, о которой писали Геродот [6, Кн. I: 2, 104; Кн. II: 104–105; Кн. III: 97; Кн. IV: 37, 40, 45; Кн. VII: 62, 79, 193, 197], Страбон [16, 467, 471–473, 474–475 и др.], Ксенофонт [9, 108–110, 118], Диодор Сицилийский [20, Book IV. Ch. 40, 42, 45–48, 56. (Ed. 1935. Vol. II, P. 472–523)], Дион Кассий [19, Book XXXVII. Ch. 1–3 (Ed. 1914. Vol. 3, p. 103); Book XLIX. Ch. 24 (Ed. 1917. Vol. 5, p. 391); Book LXIX. Ch. 15. (Ed. 1925. Vol. 8, p. 453); Book LXX. Ch. LXIX:15. (Ed. 1927. Vol. 9, p. 471).], Прокопий Кесарийский [14, 35–36] и Агафий Схоластик [1, Кн. II. Гл. 18, 21–22, 24, 27; Кн. III. Гл. 1–6, 8–16, 18, 19, 27; Кн. IV. Гл. 1–3, 5–7, 9–13, 15, 20–23, 30–31. Кн. V. Гл. 1, 2, 13], древней воспетой мифом Колхиды¹ греков и Иберии² римлян, страны бывшей ареной борьбы между Гнеем Помпеем и Митридатом Евпатором [2, 258, 283, 302, 103, 303–304, 311–312; 13, 220, 223, 225, 232].

В начале I в. Страбон отмечал, что описанные в мифах странствования Ясона показывают, насколько знаменита была эта страна в древности [16, 473]. «Действительно, – писал историк, – Иберия большей частью так хорошо застроена городами и посёлками, что там есть даже черепичные крыши, рыночные площади и другие сооружения, воздвигнутые по правилам архитектуры» [16, 474].

Кроме мифа об аргонавтах, который красочно передал Диодор Сицилийский и другие античные авторы, послужившего материалом для огромного числа художественных произведений, в XVII – начале XIX столетия в Европе преобрела популярность история Радамиста и Зенобии, которую описал Тацит [17, Кн. XII. Гл. 44–47, 50–51; Кн. XIII. Гл. 6, 37]. Трагическая судьба этой пары легла в основу ряда произведений – оперы Генделя, трагедии Кребийона-старшего, неоконченной пьесы Грибоедова, картин Пуссена и Сабателли.

¹ Под Колхидой древние греки подразумевали значительно более обширную территорию, чем современная Грузия. В Колхиду входили вся современная Западная Грузия, часть Южной Грузии и земли за пределами Грузии, вдоль черноморского побережья, к юго-востоку и югу от него, населённые грузинскими племенами.

² Или Иверия – древнее название Восточной Грузии (Картли), упоминаемое античными и византийскими авторами.

Подобные отголоски древней известности и международной славы горько оттеняют положение народов, настоящее которых не отвечает воспоминаниям о великом прошлом.

Вершиной исторической славы Грузии было XII столетие. Тогда грузинские самодержцы величали себя царями царей и мечом мессии, притязали на роль освободителей христиан Закавказья, были готовы бросать вызов Византии и успешно противостояли коалициям мусульманских государств. Это был период феноменального расцвета всех сфер культуры от монументального зодчества до литературы, эпоха высокого уровня культуры быта и экономического расцвета, бурной торговли, развития ремёсел, интенсивного культурного обмена. В XII столетии в Грузии были основаны Гелатская и Икалтойская академии, в которых преподавали выдающиеся учёные, приглашавшиеся Давидом Строителем из Византии. В академиях изучали геометрию, математику, астрономию, философию, грамматику, риторику и музыку, изучали и переводили арабскую, персидскую и греческую литературу.

Грузинские цари создавали очаги грузинской культуры в Болгарии, Греции и Иерусалиме, отправляли молодых людей на учёбу за границу. XII в. был для Грузии эпохой Руставели, в поэме которого отразился весь блеск современного ему государства. И хотя местом действия «Витязя в тигровой шкуре» выступает не Грузия, а Аравия, Индия, сказочные восточные страны, текст произведения убедительно свидетельствует о достижениях своего времени, равно как и о сильнейших ирано-византийских культурных влияниях на эту страну.

«Негрузинский» характер поэмы Руставели своеобразно подчёркивает самоуверенность грузин его эпохи. Явно нехристианские стилистические формы героев и стран, описываемых в поэме, негрузинские, но и не чуждые территориально близкой и известной миру исламского Востока Грузии. Эта «интернациональность» поэмы – своеобразное свидетельство имперского сознания грузинской элиты XII в., её кругозора, не ограничивавшегося национальными формами и рамками.

В интернациональном характере «Витязя в тигровой шкуре» в то же время можно видеть и проявление типично феодального, донационалистического, легитимистского восприятия мира, в котором схожие социальные нормы и отношения давали элитам почву для межкультурного взаимопонимания. Кроме политических и религиозных противоречий с соседними государствами и владетелями у грузинской знати имелся мощный блок общих культурных черт, облегчавших взаимопонимание народов региона.

Грузинскому расцвету XII в. предшествовали века самоотверженной борьбы с многочисленными внешними противниками и внутренние междоусобные войны, усилия по консолидации страны и сохранению собственной самобытности и культуры, пиком развития которой стало XII столетие. Однако после этой яркой вспышки на горизонте исторической судьбы Грузии

предстояли столетия страданий и бесконечной борьбы за выживание. XVI, XVII, XVIII, начало XIX столетия были для страны периодом позднего средневековья. Из некогда могущественной заступницы христиан Ближнего Востока страна превратилась в просителя помощи, а в экономическом и культурном отношении оказалась среди отсталых, нуждавшихся в модернизации стран, более того, была раздроблена на части.

О положении Грузии до присоединения к России можно судить по поэме Давида Гурамишвили «Бедствия Грузии».

В тысяча семьсот двадцатом
От рождения Христова
Весть о грешном человеке
Донеслась до всеблагого.

И поднялся враг с востока
И явился с юга снова,
Беды Картли и Кахети
Описать не в силах слово! [7, 63–64]

Злой ингуш, черкес и турок,
Перс, дидоец и лезгин,
Чтоб хоть раз унижить Картли,
Выходили из теснин.
Вслед за тем возникла смута,
На грузина встал грузин.
От меча родного брата
Пал в сраженье не один [7, 64].

Что вспахали кахетинцы,
В гору двигаясь с сохой, –
Заровняли карталинцы
Кривобокой бороною.
И вцепились мы друг в друга,
И нагрянул враг с войною,
Придавив Кахети с Картли
Басурманскою пятою [7, 68].

Укротился пыл отважных
И любви в сердцах не стало,
Чтоб осилить бусурмана,
Больше силы не хватало.
Бросив близких и любимых,

Рать трусливая бежала.
Подрались между собою,
Подружились с кем попало.

И немало одержали наши недруги побед.
Стать хозяином нетрудно,
Коль нигде отпора нет.
Бросив жён, иные мужи
Повлеклись блудницам в след,
Ибо вместо Иисуса
Стал им дорог Магомет [7, 61].

В поэме Гурамишвили запечатлелось впечатление о России, как о возможном источнике спасения и модернизации Грузии. С восхищением пишет поэт о Петре I.

Был на севере владыка,
Повелитель всей России –
Пётр Великий, наречённый
Императором впервые.
Он для подвигов великих
Заострил мечи тупые.
О его душе бессмертной
Молят господа живые.

Он при жизни неустанно
Об отечестве радел;
Мудрый, щедрый, справедливый,
Он блюсти закон умел;
Всемогущею рукою
Всех врагов он одолел.
Опочивший, продолжает
Он творить немало дел.

После смерти государя,
Воцарившись на престоле,
Все российские владыки
По Петровой правят воле.
Если в чём и не согласны –
Не противятся тем боле.
Не умрут дела Петровы,
Существует мир доколе!

Исполняют государи
Все Петровы повеленья.
Он оставил завещанье –
Как выигрывать сраженья,
Как вести в стране торговлю,
Объезжать свои владенья,
Как нарушивших законы
Покарать за преступленья.

Вызывает восхищенье
Войска русского уклад:
Каждый полк в особой форме,
На один устроен лад.
В поле стройно маршируя,
Как один идут солдат.
Удивительно искусство
Их подкопов и осад. [7, 70–71]

Однако при Петре I Россия не оправдала возложенных на неё надежд.
Сбылись худшие опасения противников союза с русским царём.

Не смогли Петра увидеть,
Про свою сказать нужду,
Только шаха прогневили
И накликали беду.

Расходились их сужденья,
Разжигая в сердце рану:
Царь Вахтанг тянулся к русским,
Сын покорствовал Ирану.

Шах лишил Вахтанга царства,
И владыкою грузин
Сын Ираклия был признан –
Царь Кахети – Константин.

Константин по-бусурмански
Звался Мамед-Кули-Ханом.
Отличался он отвагой,
Был казист и строен станом.
Много лет, подручный шаха,

Управлял он Исфаганом.
Знать, имел он славный гребень,
Чтоб чубы чесать поганым [7, 76–77].

В августе 1722 г. русская армия высадилась на каспийском побережье в районе Дербента. Царь Картли Вахтанг VI, в соответствии с договорённостью, направил свои войска на соединение с русскими подразделениями. Однако общее наступление так и не состоялось. В наказание персидский шах передал Картли принявшему ислам кахетинскому царю Константину. Началась распря между Вахтангом и Константином, в которой приняли участие Иран и Турция [7, 88–99]. Русские войска ушли из Дербента, а Вахтанг уехал доживать свой век в Астрахань. Его свита перешла на службу русским правителям, в результате чего была образована грузинская гусарская рота, разросшаяся впоследствии до полка. Сам Гурамишвили принимал участие во взятии Хотинской крепости в 1739 г. и Семилетней войне.

После отъезда Вахтанга VI в Россию, Константин принял сторону Турции, но и эта внешнеполитическая переориентация не спасла его от гибели.

Константин не спасся тоже
Он отрёкся без возврата
Для турецкой волчьей шкуры
От персидского халата.
Хоть и сдался добровольно
Он на милость супостата,
Но покончил дни на плахе
От руки чужого ката [7, 99].

Отражая геополитическую замкнутость Грузии между тремя великими империями, Гурамишвили следующим образом описывает совет у царя Картли по поводу союза с Россией:

Зарыдав они сказали:
«Горе нашему народу!
Эта царская затея
Нам сулит одну невзгоду.
Были две петли на шее –
Будет третья сумасброду.
Разве могут три дракона
Предоставить льву свободу?»

Возмущались, что ответил
Царь на просьбу их отказом:

«Трёх царей он почитает –
Три ярма готовит разом.
Спасалар¹ великий шаха,
Внемлет он его приказам,
Чтит и русского, и турка,
Потеряв последний разум!

Это дело, безусловно,
Недостойно одобренья.
Коль заспорят эти трое,
Вовлекут и нас в сраженья.
Стиснут нас они тисками,
И не будет нам спасенья,
И великому проклятью
Предадут нас поколенья!» [7, 75]

После отъезда Вахтанга VI в Россию царь постоянно просил о направлении в Грузию военной экспедиции, однако монархи на русском троне сменялись, а дело не двигалось. Между тем Грузия продолжала оставаться средоточием противоречивых интересов Ирана, Турции и России. Более того, одержав ряд побед, Надир-шах призвал Вахтанга вернуться в страну, то есть пытался использовать его в собственных политических интересах.

Грузия в составе Российской империи: национальное самосознание и общеимперская идентичность

Режим, установленный в Грузии Российской империей, есть все основания называть колониальным. Однако важно учитывать, что этот колониальный режим был режимом империи во-первых, *единоверной* и во-вторых, империи континентальной, то есть заинтересованной и вынужденной развивать и защищать подконтрольные территории.

Установление русской администрации, особенности её поведения и функционирования *объективно* задевали национальные чувства грузин и противоречили их культурным традициям. Имперская бесцеремонность почти сразу привела к восстаниям и их жестокому подавлению властями. Не могло не вызывать раздражения использование русского языка в судах и школах, уничтожение многих феодальных привилегий, ассоциировавшихся с древними уважаемыми родами, прежде всего царским родом Багратиони.

Удар по национальному достоинству был тяжёл. В то же время в вопросах внешней политики, во время войн России с Османской империей и

¹ Спасалар (перс.) – военачальник. Вахтанг VI по существовавшему в те времена правилу, будучи царём Картли, считался спасаларом иранского шаха.

Ираном, как правило, верх брала единовенная солидарность и радость за совместно одержанные победы над исконными иноверными врагами Грузии. Антитурецкая и антиперсидская внешняя политика России находила в Грузии горячую поддержку, параллельно с которой шло отторжение внутренней имперской политики, вызывавшей жестоко подавляемые восстания местного населения. Примечательно, что достаточно скоро после присоединения к России в 1801–1802 гг. Восточной Грузии (Картли-Кахетинское царство) в стране начались волнения, после которых в надежде польстить грузинским феодалам главнокомандующим в Грузии был назначен Павел Дмитриевич Цицианов. А в 1804 г. разразилось совпавшее с началом военных действий между Россией и Ираном восстание горцев Картли.

Имперские власти всемерно старались русифицировать элиту, они же прекратили многовековое существование грузинского патриархата, что было вполне логичным событием, учитывая отсутствие патриаршества в самой России.

Однако, несмотря на произвол имперской администрации, нельзя утверждать, что присоединение грузинских земель к России было регрессом. Россия лишила грузинские царства и княжества самостоятельности, но она же воссоединила эти разрозненные противостоящие друг другу феодальные государства в единое целое, сняла проблему междоусобных войн и внешних набегов. И хотя мотивы этого объединения были имперскими, прикрывавшими стремление дальнейшей экспансии на Восток, историческое объединение грузинских земель под одной властью состоялось.

Наличие великого прошлого, на которое наслаиваются последующие многовековые впечатления от страданий, нанесённых великими соседями, усугубляют синдром жертвы. В грузинском случае в течение ряда веков молотом и наковальной выступали имперские Персия и Рим, Персия и Византия, Иран и Турция.

Впоследствии, после присоединения страны к Российской империи и обретения ею независимости в 1918 г. в качестве Грузинской Демократической Республики, страна в 1921 г. была снова присоединена к России в рамках уже советского имперского проекта. И хотя Российская империя *объективно* внесла огромный вклад в социально-экономическое и культурное развитие Грузии XIX столетия, охранив её от набегов иранцев и османов, нестабильности и нескончаемых феодальных войн и раздоров, а Советский Союз продолжил это развитие в XX в., в недрах общественного сознания продолжали сохраняться амбиции страны Фарсмана II, Вахтанга Горгасала, Давида Строителя, царицы Тамар и Руставели.

С учетом этого багажа массового бессознательного становятся понятными и прогнозируемыми реакции носителей этого подсознательного багажа. Понятно, что когда в начале XIX столетия началась процедура присоединения Грузинского царства к Российской империи многим грузинским князь-

ям, как и членам царского дома Грузии, не давала покоя древняя независимость, мысль о том, что пусть по могуществу их страна уступает России, но по древности её превосходит, так же как превосходила древностью грузинская царствовавшая династия, правившую династию России, а христианство Грузии – христианство России: династия Багратиони уходит корнями в VI в. [8, гл. 45], династия Романовых вела своё происхождение с конца XVI столетия, крещение Грузии произошло в 337 году, Руси – в 988.

В грузинской истории синдром жертвы является следствием понимания собственной политической немощи и попыток самосохранения элиты посредством инкорпорации в правящие слои имперских государств-соседей.

Правителям картлийских государств веками удавалось принимать культуру могущественных региональных держав, продвигаясь по службе в рамках их бюрократических аппаратов. Прежде всего, данное утверждение справедливо в отношении доисламской Персии, Византийской империи, мусульманского Ирана и Российской империи. Во всех этих государствах грузинской знати удавалось достигать самых высоких постов имперской бюрократии. Грузинское дворянство, элита с готовностью перенимали сначала персидско-византийские, а затем русские и через Россию западноевропейские обычаи и предпочтения.

Разница между Ираном, Византией и Россией заключалась в том, что Иран и Византия, как затем Иран и Турция, делили картвельские государства между собой, сохраняя за ними значительные черты самоуправления (Византия, Иран), России же удалось собрать воедино все грузинские земли.

Положение на перекрёстке великих держав диктовало культурную гибкость – уникальную способность усваивать чужие культурные влияния, национализируя их, переводя на родной язык и синтезируя с духовно близкими мотивами.

Примером подобной гибкости может быть распространённое в грузинской литературе заимствование сюжетов персидской литературы, в том числе поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре»:

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть её грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно [15, 24; 22, 3]

Такой же глубоко переработанной, национализированной грузинской адаптацией персидского произведения является грузинский роман XII в. «Висрамиани», представляющий собой вольный прозаический перевод поэмы персидского поэта Гургани «Вис и Рамин» [5, 279; 3, 9–10].

Последовательным проводником персидских литературных традиций на грузинской почве был царь-поэт Теймураз I, переложивший массу персид-

ских сюжетов на грузинский язык, параллельно включавший в него массу персидских и тюркских заимствований [3, 16–17, 431–469].

Многовековая, тысячелетняя необходимость самосохранения и внешнеполитического, а также культурного лавирования, на подсознательном уровне давала обществу привычку быть готовым к самым кардинальным изменениям. Прежде всего, изменениям геополитического вектора и ориентации на иное великое имперское государство.

Несмотря на бесконечную междоусобную борьбу грузинских княжеств на культурном, языковом, ментальном уровне вырабатывалось представление о национальном единстве и противопоставление всем иноязычным и инокультурным соседям.

В грузинском случае синдром жертвы – привычка к геополитической слабости, подспудная готовность к зависимости извне с одновременным неприятием этой зависимости, особенно отчётливо проявляющаяся при необходимости смены внешнеполитической ориентации, когда бывшие союзники и покровители интерпретируются как враги.

По большому счёту все великие государства, с которыми Грузии исторически приходилось сталкиваться, были ей более или менее чужды, всегда, за исключением золотого века грузинской истории, страна была зависимой и введомой. Задачей было адаптироваться и установить отношения с той стороной, союз с которой в наибольшей степени отвечал национальным интересам самосохранения.

В 1991 г. в результате распада Советского Союза образовалось независимое государство Грузия, политическая элита которого стала конструировать на фундаменте великого исторического прошлого образ России, как негативного Значимого Другого. Синдром жертвы, подчёркнутый воспоминаниями о великом прошлом, стал сознательно насаждаться правящей элитой.

В случае с Грузией попытки политической демонизации России в целом кажутся особенно необоснованными, хотя существует соблазн отнести их к явлениям одного порядка с процессами, наблюдающимися в Прибалтике, Польше и на Украине.

Постимперский синдром и синдром жертвы как часть коллективного бессознательного

Даже в условиях непрерывных нашествий и бед у общества остаётся история, пусть не известная на уровне знаний, но чувствуемая коллективным бессознательным, оставшаяся в нём. Человек, принадлежащий стране, культура которой насчитывает несколько тысячелетий, даже в самые горькие минуты национального унижения имеет возможность найти моральную опору в самой этой древности.

Великое прошлое осталось в подсознании общества, в его культуре и неотделимо от него. Через призму этого прошлого, через гордость его достижениями воспринимает общество современность и неприятно задевается тем, что его самобытная и богатая культура не достаточно известна, несоразмерна его политическому и культурному влиянию в современности. Исторически обусловленное коллективное бессознательное постоянно готово подпитывать болезненные реакции на внешние раздражители со стороны других обществ, стран, народов.

Опираясь на древность своей истории, народы могут отвечать на вызовы, бросаемые обществами, более передовыми в экономическом, научном и военном отношении, но менее богатые историческим прошлым. В таких условиях национальное самосознание поддерживается на негативном основании в том отношении, что национальное самоутверждение идёт за счёт «исторической» слабости Значимого Другого. Однако при общей слабости малого народа подчёркивание древности его истории не даёт полного морального удовлетворения, не компенсирует идущие извне вызовы, в какой-то степени даже усугубляет болезненность положения, так как при ссылках на великое прошлое, ссылающиеся на него, как правило, хорошо осознают тот контраст, который являет этому великому прошлому настоящее. При определённых обстоятельствах всё это – почва для развития синдрома жертвы, который может протекать как в очень заметных и ярко выраженных, так и в достаточно мягких, неявных формах.

В случае наличия у общества богатого, но достаточно удалённого от современности великого прошлого, синдром жертвы дополняется своеобразной разновидностью застарелого, бессознательного постимперского синдрома или его культурной разновидности – общество не может возродить материальную базу былого величия, но продолжает мыслить в заложенных им рамках самоосмысления, нуждается в признанном другими первенстве, гордится собой и болезненно переживает неразделённость этой гордости другими.

При таком исторически обусловленном культурном, социально-политическом и психологическом фундаменте коллективное бессознательное отягощено целым комплексом подспудных представлений о самоценности своей страны, общества, народа.

Примеры стран с нелёгкой исторической судьбой, стран небольших и исторически вынужденных взаимодействовать с более сильными народами, государствами, цивилизациями показывают, насколько сложным и подвижным может быть феномен национального самосознания, особенно если национальное самосознание рассматривается в привязке к внешнеполитической ориентации и идеологии, которая часто меняется и осложняется беспрестанным лавированием между противоречивыми интересами многих внешнепо-

литических игроков, которые накладываются к тому же, на внутренние раздоры.

Важнейшей особенностью коллективного бессознательного как явления социальной генетики при синдроме жертвы является *неосознанность* подоплёки оценок явлений. Чувствуя свою самооценку общество принимает и транслирует свои мнения как данность, не осознавая их истоков. Доставшееся от предков и закреплённое в коллективном подсознании, а часто и в сознании, чувство гордости и культурного, исторического превосходства усугубляет ощущение политической немощи, с которым сталкиваются в настоящем.

У малых народов мотив древности собственной истории и обиды на Значимого Другого, синдром жертвы и постимперский синдром могут пересекаться. Представителям политически состоявшихся крупных государств также приходится сталкиваться с поиском опоры в древности истории и культуры собственной страны. Именно в ней черпают источник политического самосознания страны, противостоявшие экспансии США в начале XXI столетия – Ирак, Сирия, Иран. Даже россиянам после распада СССР не раз приходилось прибегать к психологической опоре на свою более древнюю, чем у США, историю и культуру. И хотя культура США значительно древнее их политической самостоятельности, если рассматривать её как североамериканскую ветвь развития европейской англо-протестантской культуры, в обычном споре аргумент древности помогает тем, кто объективно слабее в настоящем, чем внешнеполитический оппонент и/или Значимый Другой.

Следствием синдрома жертвы становится набор совершенно определённых, явных признаков:

1. Постоянная нервозность по отношению к историческим соседям, даже в том случае, если в настоящем времени отсутствуют какие-либо рациональные основания для страха.

2. Страх, заложенный в коллективном бессознательном, подталкивает к непрагматической, часто истерически и параноидально окрашенной внешней политике.

3. Национальное самосознание, сталкивающееся с внешним вызовом, всегда прибегает к ответу, однако в случае, когда имеет место синдром жертвы, националистическое самоутверждение проявляется постоянно, отличается особым напряжением.

Указанным свойствам коллективного поведения можно найти параллели и в поведении индивидуальном, когда психологически уязвимый и неуверенный индивид прибегает к опережающему самоутверждению, не дождавшись психологического удара, связанного с затрагиванием психологически болезненной темы, переходит к защите в виде неспровоцированной коммуникационной агрессии. «От страха, как бы другие не стали задира́ть перед ним нос, от желания опередить их, он сам уж до того задира́л нос, что

все считали его нестерпимо самонадеянным», – так описал проявление этого психологического защитного механизма применительно к одному из своих героев Сомерсет Моэм [12, 640].

В каждый текущий период жизни общества история выступает основной идеологии, трактуется исходя из его современных нужд или политических нужд правительства. По сути это уже не история, а популярный миф, массовое сознание, которое бывает ущемлено на протяжении столетий и не может объективно воспринимать реальное хитросплетение исторических фактов в их совокупности.

У малых народов, входивших когда-то в обширные империи, исторический кругозор чрезвычайно узок, во всяком случае уже, чем у представителей сложных имперских государств, хотя и в сознании этих последних повсеместно довлеют представления официальных или считающихся общепринятыми мнений и идеологических, *мировоззренческих штампов*.

Практика показывает, что *«только маленькие народы и государства соглашались на чисто национальное существование, не претендуют быть миром»*. При этом всегда стоит помнить, что в далёком прошлом некоторые из воспринимаемых ныне в качестве «малых» народы не воспринимали себя таковыми и тоже «претендовали быть миром», обладали пассионарностью экспансионистских стремлений собственного мессианизма.

В политике комплекс жертвы – не только свойство коллективной идентичности и психологии, но и идеологическое оружие, посредством которого мнимая слабость и жертвенность используются в целях достижения политических результатов, становятся средством политических манипуляций и навязывания своей картины мира политическим контрагентам в целях получения искомым политическим, экономическим или моральным, идеологическим дивидендов.

В реальной политике синдром жертвы, как производное от былых слабостей и невзгод, пережитых обществом в прошлом, становится силой, своеобразным политическим капиталом. Именно в этой своеобразной утилитарной политической ценности синдрома жертвы кроются истоки многих внешнеполитических шагов ряда малых государств, элита которых сознательно играет на порождаемых синдромом жертвы чувствах масс, углубляя присущую им виктимность. К обусловленным историческим прошлым коллективным подсознательным страхам, политики стараются добавить новые произвольные спекулятивные опасения с целью более успешной манипуляции массами и проведения определённой, часто временной и стратегически необоснованной политической линии.

Синдром жертвы как данность определённой социальной реальности и важная составная часть негативной коллективной идентичности – плодотворная почва для политических спекуляций. Если в общественном сознании существуют предпосылки и черты синдрома жертвы, дальнейшее его разви-

тие и усугубление – достаточно несложный процесс. Формулировать рациональные идеологические задачи, отвечающие реальным потребностям социально-экономического и политического развития общества намного сложнее, чем брать за основу идеологии оставшиеся в наследство от прошлого коллективные комплексы и страхи.

Имперское российское самосознание снова столкнулось в конце XX – начале XXI вв. с самосознанием жертвы, характерным для окружающих Россию государств, входивших когда-то в орбиту её имперского влияния.

Мыслительные образы империи и жертвы взаимоисключают друг друга в том смысле, что могут быть примирены только посредством комплексного разностороннего анализа, который по объективным причинам практически невозможно привить широким слоям населения, тем более, что *виктимный синдром* выступает во многих новообразованных независимых государствах в качестве основы формируемого политической и культурной элитой национального самосознания. В таких условиях национальное сознание приобретает выраженные черты негативной идентичности, которая основывается на противопоставлении себя Другому, демонизируемому «страшному врагу».

Понимание образа мира-жертвы и образа мира-империи необходимо для прагматичной и взвешенной внешней политики. При столкновении этих двух мировоззрений, представителям имперского самосознания значительно проще сохранять прагматизм, так как у них отсутствует синдром жертвы, а имперское прошлое помогает выстраивать сложный фундамент национального самосознания, без доминирования в нём факторов негативной идентичности, зависящей от конфронтации с реальным или вымышленным внешним врагом.

Библиографический список

1. *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. М.: Арктос, Вика-пресс, 1996.
2. *Аппиан Александрийский*. Римская история: в 2 т. М.: Рубежи XXI, 2006.
3. *Барамидзе А.* Пути развития древнегрузинской литературы // Древнегрузинская литература (V–XVIII вв.). Тбилиси, 1987.
4. *Бибо И.* «О смысле европейского развития» и другие работы. Избранные эссе и статьи. М., 2004.
5. *Гвахария А., Тодуа М.* О «Висрамиани» // Висрамиани. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1967.
6. *Геродот*. История. М., 2004.
7. *Гурамишвили Д.* Стихотворения и поэмы. Л., 1980.
8. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1991.
9. *Ксенофонт*. Анабасис. Греческая история. М.: АСТ, Астрель, 2010.
10. *Миллер А.И.* Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005.

11. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
12. *Мюмм С.* Театр: Романы. Рассказы. М., 1999.
13. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Трактаты. Диалоги. М., 1998.
14. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
15. *Руставели Шота.* Витязь в тигровой шкуре. М., 1987.
16. *Страбон.* География. М.: Ладомир, 1994.
17. *Тацит Корнелий.* Анналы. Малые произведения. История. М., 2001.
18. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.
19. *Cassius Dio Cocceianus.* Dio's Roman History. Loeb Classical Library edition. 9 vol. London: William Heinemann Ltd, Harvard University Press, 1914–1927.
20. *Diodorus Siculus.* The Library of History. Loeb Classical Library edition. 12 vol. London: William Heinemann Ltd, 1933–1967.
21. *Freud S.* On Narcissism: An Introduction. London: Hogarth Press, 1957.
22. *Rustaveli Shota.* The Man in the Panther's Skin. London: The Royal Asiatic Society, 1912.

NATIONAL IDENTITY BETWEEN POST-IMPERIAL AND VICTIM SYNDROME

V.Sh. Surguladze

Senior researcher at Russian Institute for Strategic Studies (RISS),
Ph.D in Philosophy

Russian imperial identity in the end of XX - beginning of XXI century, again faced with the victim consciousness, characteristic for the surrounding Russia states which were once in the orbit of its imperial influence. Understanding of the victim-identity and the post-empire identity is necessary for pragmatic and balanced foreign policy. In the collision of these two worldviews, the representatives of the imperial consciousness is much easier to maintain pragmatism, since they do not have a victim syndrome and imperial past makes it possible to build a foundation of national identity, without dominating the negative factors of identity, independent of confrontation with the real or imagined foreign enemy. The article focuses on the geopolitical assumptions of formation and interaction of post-imperial syndrome and victim-syndrome in Georgia.

Key words: ideology; identity; nationalism; postimperial syndrome; victim syndrome; collective unconscious.

References:

1. *Agathias Scholasticus of Myrina.* On the Reign of Justinian. Moscow: Arktos, Vika-press, 1996. (In Rus.).

2. *Appian of Alexandria*. Roman History. 2 vol. Moscow: Rubeji XXI, 2006. (In Rus.).
3. *Baramidze A.* The ways of Georgia's ancient literature development // Ancient literature of Georgia (V–XVIII ages). Tbilisi: Tbilisi University Publishers, 1987. (In Rus.).
4. *Bibo I.* On the Europe's development meaning and other works. Selected essays and articles. Moscow: Tri Kvadrata, 2004. (In Rus.).
5. *Gvahariya A., Todua M.* On «Visramiani» // Visramiani. Tbilisi: Literatura da khelovneba, 1967. (In Rus.).
6. *Herodotus*. The Histories. Moscow: Olma-Press Invest, 2004. (In Rus.).
7. *Guramishvili D.* Poetry and poems. Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1980. (In Rus.).
8. *Constantine Porphyrogennetos*. On the Administration of the Empire. Moscow: Nauka, 1991. (In Rus.).
9. *Xenophon*. Anabasis. Hellenica. Moscow: AST, Astrel, 2010. (In Rus.).
10. *Miller A.I.* Nationalism and empire. Moscow: OGI, 2005. (In Rus.).
11. *Miller A.I.* Romanov's Empire and Nationalism: assay on historical research methodology. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. (In Rus.).
12. *Maugham S.* The Theatre: Novels. Stories. Moscow: Eksmo-Press, 1999. (In Rus.).
13. *Plutarch*. Parallel Lives. Works. Dialogs. Moscow: Ripol Classic, 1998. (In Rus.).
14. *Procopius of Caesarea*. Persian War. Vandal War. Secret History. Moscow: Nauka, 1993. (In Rus.).
15. *Rusthaveli Shotha*. The Man in the Panther's Skin. Moscow: Khudojestvennaya literatura, 1987. (In Rus.).
16. *Strabo*. Geography. Moscow: Ladomir, 1994. (In Rus.).
17. *Tacitus Cornelius*. Annals. Assays. History. Moscow: AST, Ladomir, 2001. (In Rus.).
18. *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. Moscow: Flinta, MPSI, Progress, 2006. (In Rus.).
19. *Cassius Dio Cocceianus*. Dio's Roman History. Loeb Classical Library edition. 9 vol. London: William Heinemann Ltd, Harvard University Press, 1914–1927. (In English).
20. *Diodorus Siculus*. The Library of History. Loeb Classical Library edition. 12 vol. London: William Heinemann Ltd, 1933–1967. (In English).
21. *Freud S.* On Narcissism: An Introduction. London: Hogarth Press, 1957. (In English).
22. *Rusthaveli Shotha*. The Man in the Panther's Skin. London: The Royal Asiatic Society, 1912. (In English).